

Пленница олигарха

Автор:

[Лили Рокс](#)

Пленница олигарха

Лили Рокс

Обольстительный хозяин владений, любитель девственниц, должен стать моим первым мужчиной. Меня держат здесь против моей воли! Когда в доме появляется его молодой и красивый сын, я понимаю, что по-настоящему влюбилась! И эти чувства взаимны! Узнав о моей связи с его сыном, Эдуард решает отомстить. Теперь я его рабыня, и он делает со мной все, что захочет. Влад не знает, как его отец унижает меня... Я здесь – настоящая пленница, и я вижу своего хозяина в истинном свете. В этом особняке оставаться опасно, и я решаюсь на побег... #принуждение #девственница #олигарх

Лили Рокс

Пленница олигарха

Роковое решение

У меня всегда было ощущение ненужности. Оно преследует меня с детства, с той самой минуты, когда я шла по улице в красивом разноцветном платье с мороженым в руках и казалась сама себе такой красивой и необыкновенной в своем наряде.

Был солнечный день, жаркий и веселый: потому что мама впервые за долгое время решила отвести меня в парк аттракционов. Я бежала вприпрыжку, мечтая, как буду кружиться на «Колокольчике», а потом долго раскачиваться на «Лошадке». Я так замечталась, что не заметила большого камня, о который споткнулась и полетела на землю, лицом вниз, разбив нос и нижнюю губу. Мороженое отлетело в сторону, и его тут же растоптала толпа прохожих. Не помню, сколько я так пролежала, но я точно помню, что не плакала. Я помню это очень хорошо, потому что уже тогда, в свои пять лет, я точно знала, что никто меня не пожалеет, и смысла лить слезы не было.

Я услышала стук маминых каблуков и резкий толчок, меня подхватили мужские руки и поставили на землю.

– Твою мать! Ты под ноги смотреть будешь или нет? – закричала моя мать, глядя на разорванный подол нового платья и мои разбитые коленки.

Я молчала, внутренне сжавшись от ужаса. «Она сейчас ударит, она сейчас ударит», – только эта мысль проносилась у меня в голове, пока я смотрела на яркую модную заплатку на джинсах очередного маминого «друга», который направлялся с нами в парк.

– Ты глухая? Я кого спрашиваю? – продолжала кричать мать, и я видела удивленные и любопытные взгляды прохожих, смотрящих на сцену, разыгрываемую моей матерью. – Ты рукожопая? Или ногожопая? Надо было лучше ремнем тебя пороть, чтобы ты зенки разевала шире и смотрела под ноги!

Моя мать продолжала кричать, обзывая меня по-разному, но я все равно не плакала. Я привыкла. Когда мать была трезвой, она была особенно злой, а когда напивалась, становилась добрей до тех пор, пока не впадала в отключку.

Разумеется, в тот день ни в какой парк аттракционов мы не пошли, а пошли домой, а мать со своим ухажером по пути зашли в гастроном и купили бутылку водки и две банки шпротов.

Дома меня поставили в угол, и я так стояла до самой темноты, не смея сдвинуться с места. Мать пила на кухне со своим новым другом, громко хохоча, потом она долго стонала на кухне, а дядя Витя пыхтел, и к этому я тоже привыкла. Я слушала это почти ежедневно, только вместо дяди Вити был то

дядя Славик, то дядя Жора, а то и вообще соседский мальчишка лет шестнадцати, купивший по просьбе матери бутылку пива для опохмела.

Таким было мое детство, и я пыталась найти радостные моменты во всем: в куклах, которых мне дарили мамыны приятели, в походах в парк, редких, но запоминающихся, в поездках к бабушке в деревню, где я гуляла целый день и никто не лупил меня ремнем.

В остальное время я была в вечном стрессе: настроение матери менялось чаще, чем номера на проезжавших за окном машинах, ее хахали менялись реже, но они все имели свои особенные привычки, к которым мне приходилось приспосабливаться и мириться с ними, не переча матери.

Мать в каждом видела потенциального нового мужа, хотя замужем официально не была никогда: меня она родила от женатого хозяина универмага в надежде, что тот бросит свою тогдашнюю жену и женится на ней. Вместо этого, он уехал в другой город, забрав свое семейство и умер там от инфаркта, застуканный собственной женой на очередной товароведше.

Так я осталась наполовину сиротой, которая ни разу в жизни не видела собственного отца вживую. Зато мать я видела ежедневно, и чаще всего она была во невменяемом состоянии. С тех пор, как ее бросил мой отец, выгнав и с работы, и из своей жизни, она начала пить и менять мужчин как перчатки.

Я жила в мире, пропитанном злостью и ненавистью ко мне. Пока я была еще зародышем, я была для матери билетом в светлое будущее, а после рождения превратилась в тяжкую обузу, которую она была вынуждена тащить вот уже на протяжении семнадцати лет. Ежедневно я выслушивала от нее тирады о том, что сломала ее молодость, не дав возможность устроить личную жизнь, ведь кому она нужна с ребенком на руках.

И каждый день во мне крепла уверенность в том, что я – никчемная, ненужная часть ее жизни, которую она бы давно вырезала как нарыв и ушла с головой в свой самый длинный в жизни запой. Но из-за меня ей приходилось иногда держаться, чтобы работать и зарабатывать на нужды, связанные с учебой, моим здоровьем и бытовыми вопросами.

Моя мама, которая была красивой, молодой светловолосой девушкой с тонкой талией и высокой грудью, превратилась в пропойцу, которая спала с каждым встречным за бутылку и почти каждый месяц меняла место работы, переходя с одной должности уборщицы на другую. Но я все равно любила ее, и даже сама нашла подработку, чтобы покупать ей лекарства и хорошую еду.

Но около двух недель назад в нашем доме появился очередной дядя Миша, который сначала долго и беспробудно пил с моей матерью, а потом пытался воспитывать меня и мою мать, а еще через неделю к нам в квартиру пришел высокий холеный мужчина лет тридцати, одетый в кожаную куртку и яркие кроссовки. Мне он показался необыкновенно красивым, таким настоящим мужчиной, которых я видела только в кино или на картинках в журналах.

Он представился Степаном и брезгливо сел на табурет в нашей кухне, после чего дядя Миша сразу закрыл дверь на кухню поплотней так, чтобы мне не было слышно, о чем они говорят.

Да мне было это вовсе не интересно: я делала уроки, готовясь к контрольной по алгебре. Я училась уже в одиннадцатом классе и готовилась к выпускным экзаменам, поэтому дела до разговора очередного ухажера матери с непонятным блатным мужиком мне не было. Не было дома и самой матери: она пыталась пробиться на место уборщицы подъездов в ЖЭКе соседнего района, так как из нашего ЖЭКа ее выгнали с позором и некрасивой записью в трудовой книжке.

Я сидела в своей комнате с включенным для фона телевизором и решала сложные задачи, когда в мою комнату раздался легкий стук, который меня очень удивил. Обычно мать входила ко мне без стука и разрешения, поэтому я машинально обернулась и сказала «Входите!»

Это был тот самый Степан, который около получаса просидел на кухне с дядей Мишей. Сам дядя Миша мелькал у него за спиной, внимательно смотря на меня и покачиваясь из стороны в сторону.

– Добрый день, Анжелика, – вежливо сказал Степан, делая шаг в мою комнату, – Тебя ведь так зовут?

Я кивнула:

- Да, меня зовут Анжела. Но мы ведь с вами здоровались.

- Точно! - Степан мне улыбнулся, и я отметила белые ровные зубы, которых обычно не наблюдалось у маминых «друзей». - Но тогда я не знал, какое у тебя прекрасное имя.

- Теперь знаете, - отметила я, - И что?

- А то, что у меня для тебя есть сногшибательное предложение!

Я напряглась, не любила я такие «сногшибательные» предложения, от которых веяло мошенничеством и проблемами. Увидев мое напряженно лицо, Степан улыбнулся еще шире:

- Ты ведь хочешь заработать денег? Ваша семья нуждается в дополнительных финансах?

Спрашивая меня об этом, он окинул взглядом мою комнату, ремонт в которой не делался со времен постройки дома. Я слегка смутилась, но потом гордо подняла подбородок и спросила:

- Допустим? Что вы хотите мне предложить?

- Контракт на работу в журнале мод.

- В качестве кого? - непонимающе спросила я.

- Модели, разумеется, - рассмеялся мужчина и внимательно посмотрел на меня, - Ты видела себя в зеркале? У тебя типичная внешность модели. А знаешь, сколько зарабатывают модели за одну фотосессию, которая длится всего четыре-пять часов?

- Понятия не имею, - ответила я и пожала плечами.

Степан порылся в своем портфеле и достал оттуда журнал «Lady». Я таких журналов не встречала, поэтому машинально взяла его в руки и пролистала. На

каждой странице мне попадались яркие картинки, текста в журнале почти не было. И да, конечно, на фото были сплошь красавицы, но все прилично одетые и никакой обнаженки.

- Вот за эту фотосессию, - Степан ткнул пальцем на одну из девушек в ярких костюмах, которая позировала на фоне природы, - Вот эта модель получила три тысячи долларов.

Я посчитала в уме, сколько стоят нынче три тысячи долларов, и мое сердце забилось чаще. Всего несколько часов, и матери можно не работать несколько месяцев! Мне срочно захотелось попасть на обложку в этом журнале.

Видимо, Степан заметил мой блеск в глазах, поэтому сразу перевернул несколько страниц и снова ткнул пальцем в очередную красотку:

- А вот эта модель заработала за свою фотосессию пять тысяч долларов. Но она снималась два дня.

Я обомлела. Конечно, я знала, что у меня красивая фигура, волосы и глаза, миловидное лицо, - об этом мне не говорил разве что глухонемой, но вот так, прямо из дома попасть на обложку журнала - это было очень соблазнительно и весьма подозрительно.

- Если ты мне не веришь, - продолжил Степан, аккуратно забирая из моих рук журнал, - Мы сейчас можем поехать в издательство на кастинг. Ты думаешь, что таких как ты мало? Там будет очередь человек из ста!

- И зачем мне туда ехать при такой конкуренции? - я сникла, услышав озвученную Степаном цифру.

- Потому что я вижу в тебе потенциал. И, если я приведу тебя на кастинг, и ты станешь моделью, я буду получать определенный процент от твоих гонораров. Это так, чтобы ты не думала, что я заманиваю тебя пустышкой. У тебя будет официальный контракт, агент, то есть я, и много денег и перспектив. Сделаете здесь ремонт, подлечишь мать. Ты ведь не хочешь всю жизнь провести как она?

Это был словно удар в сердце острым ножом. Подлечить мать – это моя мечта, о которой я думаю почти ежеминутно. Но где взять денег на хорошую клинику, если все гроши уходят на выпивку? Я посмотрела на Степана и подумала о том, что, если сейчас откажусь, то упущу, возможно, единственный шанс в своей жизни, и так и останусь неудачницей. Почему не попробовать? С меня не убудет. И я согласно кивнула.

– Переоденься во что-нибудь попрличней и выходи на улицу. Я жду тебя в черном Мерседесе.

Дядя Миша довольно улыбался, пожимая руку Степану, а я думала, что попрличней выбрать из своего скудного гардероба.

– Молодец Анжелка! – довольным голосом похвалил меня дядя Миша. – Далеко пойдешь!

Я закрыла дверь в комнату перед его носом и задвинула щеколду. Потом открыла шкаф и принялась перебирать свою одежду, остановив свой выбор на коротком желтом платье, которое казалось мне единственной стоящей вещью в моем гардеробе, в которой не стыдно было пойти в гости.

Накинув сверху джинсовую куртку, слегка подкрасив глаза и губы, я выскочила из комнаты и, схватив сумочку, выбежала из квартиры, окрыленная мечтами о светлом будущем.

Возле подъезда и впрямь стоял черный Мерседес, и перед моим носом открылась передняя дверь, и я увидела улыбку Степана. Я села на переднее сиденье и закрыла дверь. В машине обалденно пахло каким-то дорогим ароматизатором, и играла приятная музыка.

– Ты красотка! – похвалил меня Степан. – Думаю, что ты побьешь все рекорды на кастинге.

Я улыбнулась ему в ответ, очень надеясь на то, что его слова совпадут с делом. Машина резко тронулась с места, и я обернулась, чтобы посмотреть на свой подъезд, возле которого толпилась кучка девчонок лет десяти. В их руках я увидела что-то знакомое и обомлела. Это был тот самый журнал, который мне показывал Степан у меня в комнате. Я резко повернулась к нему и увидела

напряженное лицо, следящее за дорогой.

- Вы оставили журнал, - едва шевеля губами, сказала я, - Там, возле подъезда.

Степан мельком посмотрел на меня и кивнул:

- Да, пусть девчонки полюбуются. Тебя это беспокоит?

- Куда вы меня везете? - спросила я, анализируя возможность выпрыгнуть из машины при первом удобном случае.

- Мы едем на кастинг, - повторил Степан, но в его голосе уже послышалось раздражение, - Я тебе все объяснил еще дома. В чем проблема?

- Я вам не верю, - сказала я, следя за дорогой и надеясь при первой же остановке машины пулей вылететь на улицу и побежать домой.

- Это твое право, - Степан пожал плечами, - Ты не напрягайся, детка, а лучше расслабься. Я везу тебя в лучшую жизнь, о которой ты раньше и мечтать не могла, живя в своей халупе.

- Я хочу домой, - упрямо сказала я и попыталась открыть дверь, когда машина сбавила скорость.

- Эй, не суетись. - строго сказал мне Степан, - Двери заблокированы, а ты выйдешь, когда мы приедем на место.

Я в ужасе вжалась в кресло, не зная, что меня ждет в ближайшем будущем.

Попалась

Примерно минут через тридцать машина выехала за черту города, и я уже поняла, что ни в какое издательство мы не едем. Моя судьба находилась в руках этого Степана, которого еще час назад считала приличным человеком, которого

судьба «подарила» мне. Ох, никогда не любила подарки, особенно, если эти подарки мне дарили дружки матери.

Однажды, на шестнадцатилетие, один из ее тогдашних хахалей подарил мне фаллоимитатор. И потом он долго и громко ржал, глядя на мое лицо, когда я развернула столь щедрый подарок.

До этого мне дарили нижнее белье, откровенные книги и журналы, словно воспринимали меня как приложение к моей матери легкого поведения. В последние годы, когда я стала выглядеть довольно взрослой, а в сравнении с матерью, еще и очень привлекательной, мамыны ухажеры иногда недвусмысленно намекали мне на близость. Но я всегда давала точный и неопровержимый отказ.

Обычно это был словесный отказ, который я оформляла красивой устной речью, доходчивой для тех, кто меня домогался, но пару раз пришлось применить физическую силу, воспользовавшись табуреткой или толстым томиком книжки.

А сейчас со мной происходило нечто непонятное. Куда меня везли и зачем, я могла только догадываться, и мне было очень страшно представить себе. Что меня ждет дальше. Сотовый телефон лежал у меня в сумочке, он молчал, и я была благодарна тому, что никто мне не звонил: это значит, что у меня есть шанс воспользоваться им потом. Но я не угадала.

Когда Мерседес остановился возле трехэтажного кирпичного особняка, и за машиной захлопнулись откатные ворота, я поняла, что меня привезли в гости к какому-то важному лицу.

Из дома вышла женщина в черном платье и белом переднике: таких я видела только в зарубежных сериалах, и их называли служанками. Степан выскочил из машины и поздоровался с ней, а сам вошел в дом. Я сразу залезла в сумку, чтобы достать телефон и позвонить матери, но едва я открыла сумку, водительская дверь машины резко распахнулась, и я вскрикнула, увидев озлобленное лицо Степана. Он протягивал ко мне руку:

– Гони телефон сюда, он тебе не понадобится.

Я хотела что-то возразить, но он так сильно дернул за телефон, что чуть не вырвал мою руку из плеча. Так я осталась без единственного средства связи с внешним миром, которое могло мне помочь выбраться из того дерьма, где я случайно оказалась.

– Выходи из машины, – сквозь зубы приказал мне Степан, и я повиновалась.

Выйдя из автомобиля, я обратила внимание на то, что по всему периметру дом охраняется огромными собаками, то есть даже сейчас, сделай я хоть один шаг в сторону, я тут же окажусь разорванной на кусочки этими зубастыми прислугами. Степан схватил меня за руку и подтолкнул на крыльцо:

– Плетешься еле-еле, – сказал он мне вслед и еще раз толкнул меня в спину, да так, что едва устояла на ногах.

Войдя в дом, я обомлела: красивый мраморный пол, лестница с позолоченными перилами, масса ваз и картин – все, как в дорогом музее. Возле входа в соседнее помещение, которое, как мне показалось было кухней или столовой, стояла та самая служанка, встретившая Степана у входа.

– Иди наверх за мной, – приказал мне мужчина, и я пошла за ним, сопровождаемая цепким взглядом служанки.

Наверху перед нами открылся вид на широкий коридор, пол которого был устлан мягким ковровым покрытием, а по обеим сторонам были двери, и между ними висели картины.

Дверь в одну из комнат была открыта, туда меня и завел Степан. Я осмотрелась и не сразу заметила мужчину, сидевшего в кресле в углу комнаты, а мое внимание изначально было приковано к обстановке в комнате: широкая кровать с пологом, диванчик возле кровати, красивые шторы невероятного цвета, зеркало в золотой оправе во весь рост, плазменный телевизор на стене, и еще масса всего такого недоступного для меня, обычной Анжелы из обычной двухкомнатной хрущевки.

– Добрый день, Эдуард Викторович, – вежливо поздоровался Степан и слегка ткнул меня в бок. Я восприняла этот толчок как повод поздороваться и кивнула головой немолодому лысоватому мужчине, сидевшему в кресле.

– Здравствуй, Степа, здравствуй, – проскрипел старик, и на его лице появилось некое подобие улыбки, – Привез мне гостью?

– Как вы любите, – охотно ответил Степан, и по моему телу пробежались мурашки от мысли о том, что значит слово «гостья», и зачем меня сюда привезли уже не первую, и видимо не последнюю.

– Свежая? – задал вопрос Эдуард Викторович, и я не очень поняла, что он имеет в виду. Как будто я колбаса или рыба на рынке.

– Наисвежайшая, – хохотнул Степан.

– Тогда оставим девочку в комнате, пусть осматривается и привыкает, а мы пойдем переговорим по условиям, – с этими словами старик встал с кресла, а это получилось у него только со второго раза, и медленно прошел к выходу из комнаты, на мгновение остановившись возле меня и словно понюхав воздух в нескольких сантиметрах от моего лица.

Они вышли, закрыв за собой дверь и провернув замок в двери. Я осталась в закрытой комнате и сразу кинулась к окну. Но оно было плотно закрыто, и никаких ручек или щеколд на нем я не обнаружила.

Мне стало страшно, но тут я заметила еще одну дверь в комнате и с надеждой бросилась к ней. К сожалению, это оказалась дверь в ванную комнату, довольно просторную, с широкой ванной-джакузи и мягким ковром посередине.

Окна в ванной не было, как и не было никаких вариантов для побега. Я снова вышла в комнату и села на кровать, которая мне показалась необычайно мягкой, потом я задернула полог и оказалась в каком-то подобии палатки, ощутив некую безопасность. Но ненадолго, потому что через несколько минут я услышала звук ключа в двери, и в комнату вошла служанка, в руках которой были полотенца и какая-то одежда:

– Добрый день, Анжелика. Меня зовут Зоя Валерьевна, прошу обращаться ко мне именно так. Я принесла тебе полотенца, халат и несколько платьев твоего размера. Это на первое время. Есть ты будешь в комнате, я лично буду приносить тебе завтрак, обед и ужин. Гулять ты тоже будешь под моим

присмотром. Если тебе понадобится моя помощь, ты можешь нажать на кнопку рядом с кроватью, и я приду к тебе, как только освобожусь.

Она это говорила так быстро, по-деловому, как будто к ним каждый день заезжает толпа таких как я, и эти инструкции она выучила наизусть.

– Зачем меня сюда привезли? – спросила я у нее, наблюдая за тем, как она раскладывает мои вещи в комод рядом с кроватью.

– Тебе все расскажет Эдуард Викторович. Я отвечаю только за хозяйственные вопросы.

Ответив мне этой неопределенной фразой, Зоя Валерьевна удалилась из комнаты, не забыв запереть дверь на замок. Я смотрела на закрытую дверь, смутно предполагая, зачем я здесь. Гостя Эдуарда Викторовича, иначе, потенциальная рабыня, причем наверняка сексуального характера. Я поморщилась, вспомнив этого старика. Неужели моя судьба – стать его любовницей? Нет, нет, нет... Это какой-то страшный сон. Недопустимый бред... Мне нужно проснуться!

Я упала на кровать и потянулась. Надо было как-то проводить свое время в заточении, поэтому я схватила полотенце, перебрала все платья, которые показались мне какими-то старушечьими, и отправилась в ванную. Набрав горячую воду, я добавила пены и нажала на кнопку, включив поток пузырьков.

Закрыв комнату изнутри, я скинула с себя свое желтое «выходное» платье и юркнула в горячую воду, погрузившись по подбородок в пенную ванну. Прикрыв глаза от удовольствия, я пыталась мысленно найти плюсы своего пребывания в этом доме.

Неожиданно я услышала чьи-то шаги и резко обернулась. В ванную каким-то волшебным образом вошел Эдуард Викторович и, открыв дверь, стоял в проходе, внимательно глядя на меня.

– Как вы вошли сюда? – удивленно спросила я, радуясь тому, что толстый слой пены скрывает мое обнаженное тело.

Старик прошел ближе ко мне и теперь стоял рядом с моей головой так, что мне было сложно увидеть его лицо, не перевернувшись в ванне.

- Это мой дом, - сказал он, - А в своем доме я могу войти, куда пожелаю.

Я прикусила язык и съежилась. Теперь вода казалась мне ужасно холодной, и мне захотелось завернуться в махровое полотенце или надеть теплый халат.

- Теперь ты будешь жить здесь, - произнес Эдуард Викторович тоном, не требующим возражения, - с сегодняшнего дня ты, Анжелика, моя. Пока я не решил, кем ты будешь: моей рабыней, любовницей, служанкой или подстилкой, о которую я буду вытирать ноги. Это будет зависеть от твоего поведения и от моего настроения. Тебе надо принять этот факт, смириться с ним и понять, что, пока я не приму решение отпустить тебя, ты будешь находиться здесь, хочешь ты этого или нет. Ты меня поняла?

Сглотнув, я кивнула. Я даже не знала, что лучше из списка тех ролей, что он перечислил, но я точно была уверена, что не хочу быть его подстилкой.

Его покорная девочка

Эдуард Викторович присел на край ванны и провел рукой по поверхности воды, взяв в ладонь пену и опустив ее обратно в ванну. Он молчал, а его черные глаза изучающе смотрели на меня. Потом его рука потянулась ниже и дотронулась до моего бедра. Я вздрогнула и машинально одернула ногу, тут же наткнувшись на его недовольный взгляд:

- Ты начинаешь себя неправильно вести.

- Извините, - сказала я и попыталась взять себя в руки.

Его рука снова нырнула в воду и снова нащупала мою ногу. Сначала он трогал мое колено, и его ладонь была шершавой и неприятной. Потом его ладонь скользнула вверх по моей ноге и перешла на внутреннюю сторону бедра. Я напряглась еще больше, понимая, чего именно он хочет коснуться. Мне

захотелось выскочить из ванны и выбежать из комнаты, а потом и из дома. Но я понимала, что выхода у меня нет.

Рука старика коснулась моей промежности, от его прикосновения по телу пробежали мурашки, а когда он просунул палец внутрь меня, я совсем растерялась и застыла, словно каменное изваяние.

Эдуард Викторович прикрыл глаза, видимо, что-то представляя в своих фантазиях, а его пальцы при этом ползали в моей вагине, растягивая ее и исследуя от и до. Такого стыда я никогда не испытывала, ведь еще ни один мужчина не касался меня ТАМ, я ведь даже не целовалась ни с кем.

А теперь я сижу в загородном доме, в наполненной пеной ванне, и рука пожилого человека ползает у меня между ног, вызывая во мне содрогание и чувство мерзости. Наконец, он вытащил руку из меня и из воды и, открыв глаза, посмотрел в мое лицо.

– Если ты будешь делать все правильно, будешь послушной девочкой и не будешь меня злить, ты получишь все, что пожелаешь. Я буду исполнять все твои желания, кроме одного: ты не сможешь уйти от меня, пока я сам этого не захочу.

Он встал с края ванны и отошел на пару шагов от меня. Потом еще раз посмотрел мне в лицо и сказал:

– Сейчас я пройду в комнату и сяду в кресло. Я буду ждать, когда ты выйдешь из ванной. Ты не будешь одеваться, выйдешь голой. В комнате будет играть музыка, а ты будешь танцевать под эту музыку. Танцевать голой и танцевать так, чтобы я захотел тебя. Ты все поняла?

Я молча закивала, с трудом представляя себе, как я смогу исполнить танец для него так, чтобы он меня захотел. Что это будет за музыка? Медленная или рок-музыка? Мне надо будет прикасаться к нему или просто танцевать на расстоянии? Все эти вопросы крутились у меня в голове, но я не могла выдать из себя ни одного, насколько сильно я боялась этого человека.

Он вышел, а я вылезла из ванны, понимая, что дрожу, как осиновый листик. Все происходящее казалось мне страшным и диким, будто мне снился сон, а я просто оказалась его главной героиней.

Я вытерла тело мягким полотенцем и встала возле двери, не решаясь выйти. Сердце трепыхалось в груди, и мне казалось, что мой выход будет означать конец уважения к себе самой.

Но я решилась. Сбросив полотенце, я резко открыла дверь и вышла в комнату. Он сидел в кресле, и по комнате разливался приятный уху звук музыки, она была медленной и красивой. Я вышла в центр комнаты и принялась исполнять различные движения руками, дотрагиваясь до своей груди и ягодиц. Эдуард Викторович смотрел на меня внимательно и изучающе, потом он положил руки себе на колени и, как мне показалось, слегка напрягся.

– Подойди ближе ко мне, – сказал он, и я, продолжая извиваться словно змея, приблизилась к нему, но все равно стояла в паре шагов от него, видя, как часто вздымается его большой живот, а на лбу выступили капельки пота. Я продолжала танцевать, обнимая себя руками, потом зачем-то засунула палец в рот и пососала его.

– Повернись ко мне спиной, – приказал Эдуард Викторович, и я резко развернулась к нему спиной, продолжая свой танец.

Я слышала странные звуки позади себя и догадывалась, что происходит. Звук раскрытой ширинки и ритмичные движения не могли обмануть мой слух: он просто мастурбировал, наблюдая за моим танцем. Когда, спустя минуту, Эдуард Викторович попросил меня нагнуться, я даже вздрогнула от неожиданности, но подчинилась.

Наклонившись, я увидела его лицо, оно покраснело и с него градом лился пот, а его рука держала его член и беспорядочно теребила его. Потом я услышала стон, похожий на хрип, и заметила светлые брызги, разлетавшиеся от его члена на брюки и ручки кресла.

– Остановись, – выдохнул мужчина, – И стой ко мне спиной.

Я поняла, что он решил воспользоваться полотенцем, лежавшим рядом с ним на подлокотнике кресла. Я сама часто дышала от этого дикого танца, который сама сочинила и исполнила так, что довела бедного старика до иступления. Все мое тело блестело от пота, я так вымоталась и устала, что просто хотела рухнуть в

постель и уснуть.

Я вздрогнула от резкого прикосновения его руки к обнаженной коже спины:

– Я уйду, но завтра я вернусь. Сейчас Зоя принесет тебе ужин, отдыхай.

С этими словами Эдуард Викторович вышел из комнаты и закрыл дверь, провернув ключ два раза. Я помчалась в ванную, чтобы смыть с себя пот и грязь, которая, как мне казалось, толстым слоем покрыла мое тело, пока я танцевала перед этим извращенцем. Что ждет меня завтра? От этой мысли меня колотило, хотя я стояла под душем, из которого текла горячая вода.

Когда я отогрелась и вышла из ванной завернутой в полотенце, я увидела на комод поднос. Подойдя к нему, я обомлела от увиденного: на тарелке красовалась рыба и овощи, в красивом расписном бокале было налито красное вино, а рядом стоял графин с водой и стакан. Я набросилась на еду, рецепты которой видела только по телевизору или в журналах.

После ужина я упала на кровать и, завернувшись в теплое одеяло, блаженно закрыла глаза. Я вспомнила про мать и подумала о том, ищет она меня или нет.

Наверняка, дядя Миша наплел про меня какую-то небылицу, сбавив Степану, который и привез меня в этот дом, словно в золотую клетку, где я теперь буду находиться в полной власти Эдуарда Викторовича. Сегодня танцы, а что будет завтра? Я не успела додумать, потому что провалилась в глубокий сон.

Утром я проснулась от шума в комнате и, подскочив с кровати, не сразу сообразила, где я. Когда до меня дошло, и я вспомнила вчерашний день, меня словно окатило ледяной водой с головы до ног. Я увидела Зою, которая ставила новый поднос на комод, а потом молча вышла из комнаты, заперев меня на ключ.

Я встала с кровати и выглянула в окно, за которым зеленели деревья, пели птицы и текла жизнь, свободная жизнь свободных людей, о которой мне пока придется забыть. Я видела птиц, но даже не слышала их пения, потому что окно в моей комнате было наглухо закрыто. Коснулась пальцами стекла, оставив на нем отпечаток, а потом вздохнула и подошла к подносу, на котором теперь стояла тарелка с овсянкой, тост с сыром и чашка с чаем.

Позавтракав без особого аппетита, я села на кровать и уставилась в телевизор, беспорядочно переключая каналы. Мне было скучно, мне казалось, что меня, как зверя, заперли в клетке, и хотелось почувствовать вкус свободы.

Примерно через полчаса ко мне заглянула Зоя Валерьевна, чтобы забрать грязные полотенца и поднос от завтрака.

– Подскажите, а когда я смогу выйти на улицу? – поинтересовалась я у нее.

– Не могу вам ответить, Анжелика, – ответила та сухо, – Пока я не получала никаких распоряжений от Эдуарда Викторовича.

Черт бы его побрал, этого старого пердуна! Не успела я проговорить мысленно все ругательства в его адрес, как он явился ко мне в комнату собственной персоной. Сегодня он выглядел бодрым и подтянутым, на нем были надеты джинсы и свитер, который более или менее скрывал его живот.

Я ждала его указаний, но вместо этого он снова уселся в кресло и уставился на меня:

– Я думал о тебе всю ночь, почти не спал. Ты хороша, и это не дает мне покоя.

Он замолчал, и я рискнула задать вопрос:

– Вы хотите, чтобы я снова станцевала для вас?

– Нет, – он отрицательно покачал головой, – Я хочу, чтобы ты села ко мне на колени.

Я удивилась его просьбе и нерешительно подошла к нему. Он убрал руки с колен, как бы приглашая меня устроиться к нему на ноги. Я осторожно села, и словно провалилась в какую-то яму, упершись лицо в его шею. От мужчины пахло вкусным парфюмом, но мои глаза уткнулись в его морщинистую шею, от вида которой меня замутило.

Руки Эдуарда Викторовича погладили меня по спине, потом он просунул руку под мое платье и погладил теперь уже обнаженную кожу. От его прикосновений

мне стало щекотно, и кожа покрылась мелкими пупырышками. Я положила руки на колени, стараясь не делать лишних движений без его разрешения.

Эдуард Викторович снял мое платье через голову, и теперь я сидела у него на коленях абсолютно голый, только в одних тонких трусиках. Его руки обхватили мою талию и крепко сжали.

Потом он прислонил меня к себе так, что моя грудь коснулась его губ. Он открыл рот, и я увидела его розовый язык, который высунулся изо рта и облизнул мой сосок.

Мне было это неприятно, до тошноты, но я старалась держаться и не подавать виду, что мне безумно противны его прикосновения. Его язык вылизывал сначала один мой сосок, потом перебрел на второй, а руки сжимали мою грудь. Его дыхание снова участилось, на лбу проступил пот, но он продолжал облизывать мои соски, оставляя свою слюну на моей коже.

Я слегка пошевелилась и почувствовала его твердый член через толстую ткань джинсов. Он был возбужден, он хотел меня, а я боялась, что сейчас он набросится на меня и изнасилует, как это бывает в плохом кино.

– Встань! – громко сказал он, и я резко вскочила на ноги.

Он расстегнул джинсы, я теперь я воочию увидела его стоящий член. Я никогда не видела вживую мужского достоинства, но до этой минуты оно казалось мне куда симпатичнее. Член моего хозяина был похож на палку колбасы, покрытой кучерявыми волосами, а его головка была темно-синего цвета. Глядя на меня, Эдуард Викторович снова мастурбировал, а потом сказал:

– Сожми свою грудь руками! Сожми ее!

Я так и сделала, не совсем понимая, какой эффект для него несут мои действия. Он продолжал тереть свой член, набирая обороты и при этом медленно отходил от меня.

– Встань на колени и ползи ко мне, – снова приказал он, и я поползла к нему навстречу, остановившись в полуметре от него и продолжая смотреть на его

трясущийся член.

Наконец он закинул голову назад и застонал, а содержимое его члена полетело мне на лицо и грудь, теплыми каплями попадая сначала на кожу, а потом стекая по ней вниз. Запах был неприятным, но сперма все продолжала изливаться, а он продолжал стонать, крепко сжимая увядающий пенис.

После этого Эдуард Викторович застегнул штаны, встал и кинул мне в руки полотенце, которым приказал вытереть себя, а потом принять душ.

Я так и сделала.

Целый день я просидела в комнате одна, только успевала обедать и ужинать принесенными блюдами Зои. Когда меня уже клонило ко сну, в двери снова послышался шум ключа, и в комнату вошел Эдуард.

Я напряглась, не зная, чего ожидать от него. Но он просто подошел к моей постели и сел на ее край:

– Я пришел сказать тебе, что снова думал о тебе. Я думал о тебе целый день. Я не могу выбросить из головы твое тело, твое лицо, твои глаза. Ты – моя, ты запомни это и не забывай. Я буду обладать тобой целиком и полностью, я уже тобой владею.

Каждое его слово казалось безумным, но я понимала, что не могу их оспорить. Здесь он царь и бог, и каждое его слово – закон для всех присутствующих.

Его рука потянулась к моей ноге под одеялом и коснулась ступни.

– У тебя очень красивые ноги, – сказал он, – Я буду целовать твои ноги, твои руки, твою грудь, твои губы и твою милую розочку. Но всему свое время. Сегодня я буду целовать твои ноги.

С этими словами он приподнял одеяло и руками сжал мои ступни. Мне снова стало щекотно, но я терпеливо молчала, закусив губу. Он наклонился к моей ноге и взял в рот большой палец, пососав его и выпустив.

Потом он взял в рот остальные четыре пальца и снова звучно облизнул их, его руки при этом массировали мои икры, и от этих прикосновений мне стало приятно. Эдакий массаж ног со странностями. Вторую ногу он тоже вылизал целиком, уделив внимание каждому пальцу. Я уже надеялась, что на этом все кончится, но я не угадала.

Эдуард Викторович снял себя пижамные штаны, в которых он пришел ко мне в комнату, и я снова увидела его стоящий член, который с утра никак не изменился.

Он коснулся своим членом сначала одной моей ноги, потом другой. Потом он сложил мои ступни вместе и между ними поместил свой стоящий член. Он начала двигаться, как будто трахал мои ноги, и это выглядело одновременно странно и весьма смешно. Он насиловал мои ноги!

Его руки гладили мои ноги, начиная от колен и кончая бедрами, и Эдуард, не выдержав, схватил свой член в руки и продолжил мастурбировать его рукой, наглаживая каждый палец на моих ногах. Теперь он кончил мне на ноги, и сперма стекла на постельное белье, на котором я планировала спать.

Натянув штаны, он вышел из комнаты, молча закрыв за собой дверь и повернув ключ.

Я стянула простынь и бросила ее возле двери, а потом бегом бросилась в ванную, чтобы смыть его отвратительное семя со своих ног.

Я еле уснула, вспоминая этот день, заполненный спермой и извращениями. Хотелось плакать. Но слезы почему-то не текли из глаз, будто там поставили запрет на их выход.

К завтраку с утра я не притронулась, я не хотела есть. Мне хотелось просто лежать, укутавшись в одеяло и ни о чем не думать. Зоя вздыхала, забирая мой несъеденный завтрак, но мне было все равно.

В обед я встала с кровати и подошла к окну, чтобы снова полюбоваться на мир за окном. В саду я увидела инвалидное кресло, в котором сидела немолодая женщина, ноги которой были накрыты пледом. Потом я увидела подошедшего к ней Эдуарда, который провез ее немного по дорожке, а потом резко обернулся и

посмотрел в мое окно.

Сначала я хотела спрятаться за шторой, но потом передумала, это выглядело бы глупо. Мне стало любопытно, но я почему-то предположила, что эта женщина в инвалидном кресле – жена Эдуарда, с которой что-то случилось, и теперь он ищет всякие способы, чтобы удовлетворить свои сексуальные потребности.

Но мне было странно и другое: если он может кончать, трогая грудь или ноги, в чем проблема делать это со своей немобильной женой? Грудь, ноги и руки у нее на месте?

Мои мысли мне показались кощунственными, и я решила отойти от окна и снова лечь в постель.

Вечером я поела, но без особого аппетита. Мне тоже хотелось подышать свежим воздухом, а в моей комнате не было других развлечений, кроме телевизора, по которому не показывали ничего интересного для меня. Я любила читать, о чем и заявила Зое Валерьевне, когда та забирала поднос с ужином.

– Я передам ваши пожелания Эдуарду Викторовичу, – прозвучал уже ставший привычным и банальным для меня ответ.

Когда стемнело, пришел и сам Эдуард. Он улыбнулся, глядя на меня и быстро подошел к постели. Но потом резко остановился и сел на край кровати:

– Я куплю тебе книги. Скажи, какие.

– Я напишу вам список и передам через Зою Валерьевну.

– Хорошо, – он снова улыбнулся, – Ты у меня умная девочка, и ты должна много читать, чтобы оставаться такой же умной и такой же красивой.

Он приблизился ко мне и прикоснулся указательным пальцем к моим губам. Шершавый палец проскользнул по моей нижней губе и, приоткрыв мой рот, скользнул внутрь, коснувшись моего языка.

– Пососи его, детка, – ласково сказал он.

Я обхватила его указательный палец губами и пососала, словно это было мороженое. Зрачки Эдуарда расширились, и он, приблизившись ко мне, коснулся моих губ своими губами. Я закрыла глаза, чувствуя его язык, которым вчера он вылизывал мою грудь, а потом мои ноги.

Его язык коснулся моего языка и заставил его вступить с ним в контакт. Наши языки сплетались, а мне очень сильно хотелось оттолкнуть Эдуарда, настолько неприятными мне казались его прикосновения.

Наконец, он отпрянул от меня и снова посмотрел мне в глаза.

– На сегодня хватит, я ухожу, – сказал он, – Завтра тебе принесут книги, и если ты хочешь, ты сможешь погулять во дворе.

Я радостно закивала, представляя себя в саду, окруженную красивыми растениями и птицами.

Но с утра пошел дождь.

Жизнь в неволе

Я совсем сникла. Целую ночь я ждала утра, чтобы погулять, но вместо этого снова буду сидеть в комнате, словно в клетке. От обиды на глазах навернулись слезы, очень хотелось лежать и ничего не делать.

Зашедшая ко мне с утра Зоя Валерьевна принесла на подносе завтрак, но не молча, как обычно:

– Анжелика, доброе утро! Эдуард Викторович дал указание вам завтракать и собираться к полудню. Вы поедете в магазин.

Я встрепенулась и с надеждой посмотрела на служанку, на лице которой, как обычно, было одно и то же выражение: смесь надменности и холодности. Но мне было плевать, поэтому я соскочила с кровати, быстро поела, приняла душ и в

двенадцать сидела на кровати в одном из платьев, оставленных мне Зоей, сложив руки на коленях.

Ровно в двенадцать ко мне в комнату вошла Зоя и махнула мне головой. Я пошла за ней, спустилась вниз, все время озираясь по сторонам и пытаюсь найти хоть кого-нибудь живого в доме, кроме нее и Эдуарда, но в этом огромном доме. Больше похожем на замок, не было никого. Интересно, а в какой комнате жила та женщина в инвалидном кресле?

– Здравствуй, Анжелика, – поприветствовал меня Эдуард Викторович, ждавший меня внизу возле выхода.

– Здравствуйте, – вежливо отозвалась я и смутилась. И что заставляло меня смущаться в присутствии этого монстра? Он видел меня голой, да и я многое уже повидала, что за детский сад с моей стороны?

Но его присутствие все время вгоняло меня в краску, а уверенный взгляд словно сверлил меня, как сверлят стену, в которую ходят вогнать поглубже гвоздь.

– Мы поедем с тобой в магазин в соседнем Подмосковье. Там есть книжный магазин и магазин одежды. Купим все, что тебе понравится.

От этой мысли мое сердце забилося от сладкого предвкушения. Книги, одежда, магазины, – как я была рада такой перспективе.

Зоя раскрыла большой зонт, и мы с Эдуардом, прижавшись друг к другу и прячась от дождя, сбегали по ступенькам и сели в большой черный джип на заднее сиденье.

За рулем сидел какой-то качок, которому Эдуард сказал просто «Едем», и машина легко двинулась сначала по участку, а потом выехала за откатные ворота.

Я с упоением смотрела на пейзаж за окном, а капли дождя падали на стекло, размывая картинку. Я так увлеклась тем, что происходит по ту сторону машины, что не заметила, как моей руки коснулась рука Эдуарда. Он взял мою ладонь и, сплетя пальцы со своими, крепко сжал мою руку. Я боялась, что он снова

полезет ко мне с поцелуями или облизываниями, но такого не было. Он просто держал меня за руку и смотрел в окно. Я расслабилась и тоже углубилась в просмотр пейзажа.

Через минут сорок машина притормозила возле огромного торгового центра. Эдуард помог мне выбраться из машины, галантно протянув руку, и мы в сопровождении водителя, вошли в торговый центр. Честно говоря, желания убежать у меня не было. Я прекрасно понимала, что меня вернут в ближайшее время, а потом еще и накажут, сделав подстилкой. Пока я такого не хотела. Мы шли по торговому центру, взявшись за руки, и со стороны, наверное, выглядели, как папа и дочь, нежели, как потенциальные любовники.

Эдуард Викторович рассказывал мне о том, в каком году был построен этот центр, сколько в нем магазинов, какая у него площадь и какие есть развлечения. Только потом, позже, когда мы вошли в магазин дорогой одежды, до меня дошло, что мой хозяин является и хозяином этого торгового центра.

Продавщицы в магазине одежды облепили меня, словно пиявки, поднося ворохи одежды, которые я надевала в примерочной и потом демонстрировала Эдуарду. Какие-то вещи, которые мне понравились, он «зарубил», какие-то одобрил.

Мне было немного обидно, ведь речь шла о том, что мы будем покупать все, что понравится мне, а выходило, что покупаем мы только то, что согласует он. Но я не спорила, радуясь покупкам.

Потом мы зашли в книжный магазин, где я долго и нудно выбирала интересные для себя книги, а мой хозяин уже не встречал и терпеливо ждал меня возле кассы. После книжного магазина мы зашли в «Макдоналдс», где мне купили бургер и колу. Моя душа ликовала: как будто я вышла в магазин с папой, а не с непонятым дядей со странными желаниями.

Водитель загрузил багажник пакетами и обратно мы ехали, снова крепко сплетя пальцы рук и отвернувшись друг от друга. К нашему возвращению в дом, дождь уже закончился, и я с надеждой посмотрела на Эдуарда Викторовича, который, усмехнувшись, кивнул головой и сказал:

– У тебя есть пятнадцать минут. Потом ты поднимешься к себе, примешь душ и наденешь то синее платье, которое я сам выбрал. Никакого нижнего белья под

ним, ты поняла?

Я мельком взглянула на водителя, который все слышал, но при этом сохранял невозмутимый вид. Выскользнув из машины, я направилась по вымощенной брусчаткой дорожке за дом, чувствуя, как мою спину сверлит взгляд Эдуарда.

Мне показалось что прошло совсем мало времени с тех пор, как я вышла на свежий воздух, прошлась по дорожкам и насладилась ароматом цветов и пением птиц, но Зоя уже стояла на углу дома, недовольно скрестив руки на груди. Вздохнув, я потащила в дом, в который меня не вели собственные ноги.

– Иди к себе и делай все так, как велел Эдуард Викторович, – строго сказала мне она, а я хотела обернуться к ней и показать язык.

В комнате я обратила внимание на то, что все новые купленные вещи, за исключением синего платья, уже были развешаны в шкафу, а книги аккуратной стопкой стояли на комод. Очень мило! И только то платье, о котором говорил Эдуард, лежало на постели, напоминая мне о том, что сейчас что-то произойдет.

Я приняла душ и облачилась в это платье. Посмотрев на себя в зеркало, я была удивлена тому, как сильно дорогая и качественная вещь может изменить внешний вид обычной оборванки. Я выглядела не хуже моделей из журнала, который мне показывал Степан, и я очень сильно нравилась себе.

Я вышла из ванной и, как чувствовала, что Эдуард уже ждет меня в кресле. Он сидел в своей обычной позе, сложив руки на подлокотниках и не оборачиваясь ко мне. Я вышла и встала перед ним, ожидая дальнейших его указаний.

– Подойди ко мне и встань на колени, – тихим и спокойным голосом сказал он. Его лицо казалось каким-то отрешенным, будто он был не здесь со мной, а где-то в другом месте и без меня.

Я послушно встала на колени перед ним. Он протянул ко мне руку и погладил меня по голове, а потом большим пальцем правой руки коснулся моих губ и насильно сунул палец мне в рот. Я включилась в правила игры, помня о вчерашнем, и обхватив палец губами, принялась его сосать, причмокивая.

– Ты хорошая девочка, ты все правильно делаешь, – сказал Эдуард, – Но сегодня я хочу большего.

Я испуганно наблюдала за тем, как он расстегивает ширинку на штанах и достает свой член. Он был вялым и свисал с его руки, как мертвая змея.

– Бери его в рот, попробуй мужской член на вкус. Ты ведь никогда этого не делала, ты ведь хорошая девочка?

Я придвинулась ближе и внимательно посмотрела на его член. Мне совершенно не хотелось брать его в рот, мне был противен один его вид, но переборов себя, я коснулась головки губами. От него ничем не пахло, разве что чем-то необычным, но мне казалось, что этот запах вызовет у меня тошноту.

Эдуард не торопил события, давая мне исследовать орган, прежде чем взять его в рот по-настоящему. Я попробовала на вкус головку, она была твердой и как будто резиновой. Дальше я облизнула кожицу на самом члене, она была тонкой и, если прихватить ее зубами, можно было оттянуть ее, но я побоялась сделать ему больно. Наконец, я отважилась и взяла весь член в рот, засунув его поглубже.

– Умница, – услышала я голос Эдуарда, и его рука опустилась на мою голову.

Я начала посасывать член, представляя себе, что это мороженое, иначе я бы не смогла справиться с собой. Над членом нависал огромный живот, из-под которого он с трудом мог сам увидеть свой орган и то, что я с ним делала.

Закрыв глаза, я с удивлением отметила, что член стал крепнуть у меня во рту, и теперь он с трудом умещался целиком. Я вытащила его и подержала в руке: из мертвой змеи он превратился в резиновую дубинку небольшую по размеру, но твердую и ровную.

Я снова взяла член в рот, продолжая то засовывать его внутрь, то вытаскивать обратно, а Эдуард помогал мне набрать правильные обороты, слегка надавливая мне на затылок.

Давление его рук было не сильное, но уверенное, дающее понять, кто хозяин ситуации. Я уже устала от этих движений, у меня болели уголки рта, пока наконец Эдуард сам не выхватил свой член у меня изо рта и не сдавил его, как он делал это в прошлые разы. А потом я увидела, как из его дубинки выплеснулась сперма.

Не знаю как, но я быстро отреагировала и моментально зажмурилась, и весьма вовремя, потому что сперма брызнула мне в лицо, а Эдуард приоткрыл мне рот рукой и несколько капель попали мне внутрь. Я попробовала сперму на вкус, она не имела сильного характерного вкуса, но запах был отвратительным.

Эдуард долго гладил меня по голове, пока по моим щекам стекала теплая жидкость и капала на мое платье. Я чувствовала себя отвратительной, мерзкой сама себе и недовольной тем, что меня вынудили делать то, что раньше я помышляла делать только с собственным мужем.

– Моя девочка, – бормотал Эдуард, – Ты даришь мне волшебные моменты, ты – моя фея, моя принцесса. Я буду помнить о тебе всю оставшуюся жизнь.

Его слова казались мне бредом, но я молча слушала, прижавшись к креслу и боясь пошевелиться. Позже мы долго сидели молча, пока за окном не стемнело.

– Ложись в кроватку, – сказал мне он и, встав с кресла, протянул мне руку.

Встав с пола, я прошла к кровати. Эдуард Викторович стянул мое платье через голову и откинул одеяло, давая мне лечь в постель. Я запрыгнула туда и попыталась укрыться, но он снял с себя футболку и штаны и залез ко мне в постель.

Я испугалась, наверняка сейчас он будет насиловать меня. Но вместо этого он прижался ко мне своим теплым большим животом и взял в рот мою грудь. Он сосал ее, как это делают младенцы, и я ощущала себя по-идиотски, как будто участвовала в какой-то глупейшей дешевой постановке.

Эту ночь он провел со мной, и я засыпала, чувствуя его горячее дыхание у себя подмышкой. С утра его уже не оказалось в постели, и я с облегчением кинулась в душ, чтобы смыть с себя запах его дорогого одеколona, въевшегося в мою кожу за эту ночь.

Меня, как обычно, ждал завтрак: яичница с беконом и овощной салат. Быстро перекусив, я схватила с комода все книги и засела за чтение. Я так увлеклась, что испуганно вздрогнула, увидев на полу мужские ноги. Подняв глаза, я увидела Эдуарда, в руках которого был букет цветов. Он протягивал его мне и широко улыбался.

– Это тебе, милая, за то, что ты делаешь меня безумно счастливым.

Из-за его спины вынырнула Зоя с вазой в руке, и, не дав мне принять букет, сразу взяв его из рук мужчины и сунув в вазу.

Зоя вышла, а Эдуард остался со мной, сев на корточки передо мной и взяв мою руку в свою. Он погладил кожу на моей руке и прижал кисть к губам, поцеловав каждый палец.

– Ты просто волшебная, – пробормотал он и надавил на мои плечи, заставив меня лечь на кровать. Я отложила книгу и легла на спину, но не видела лица мужчины. Потом я почувствовала его горячие губы у себя на бедре, он водил языком по коже, вылизывая каждую клеточку моих ног. А потом он стянул с меня трусики и коснулся губами моих половых губ. Я вздрогнула от испуга и сжалась в комочек.

– Детка, расслабься, тебе понравится, – сказал Эдуард откуда-то снизу.

Я попыталась, но мне показалось, что я не смогла до конца расслабиться. Его губы целовали мои половые губы, как тогда, когда он впервые поцеловал меня.

Потом его язык раздвинул их и пробежал по внутренней части моих женских органов. Я задрожала от странного ощущения, похожего на удовольствие, но тут же отогнала его, потому что все происходящее казалось мне неправильным и неестественным. Но нет, я снова ощутила сладость от его прикосновений, а когда он языком надавил на какую-то точку, меня будто ударило током, и я вскрикнула, приподнявшись на руках и с испугом глядя на него.

– Тише, детка, – сказал он, не отвлекаясь, – Сейчас ты почувствуешь настоящее удовольствие. Просто доверься мне.

Я откинулась назад и закрыла глаза. Внизу происходило нечто невероятное: моя вагина пульсировала и горела, низ живота сладко ныл, а я боролась с чувством попросить его сделать что-то такое, что окончит все мои мучения.

Но я не знала, что именно ему надо сделать, чтобы все эти пульсации и напряжения внизу живота прекратились. Я ерзала на кровати, пока, наконец, не почувствовала какую-то странную волну, накатившую на меня и заставившую меня задрожать всем телом.

Это словно была разрядка, которую я ощутила, и за которой пришло облегчение, которого я раньше никогда не испытывала. Язык Эдуарда остановился, и он снова поцеловал меня в половые губы, как бы давая понять, что действие окончено.

Я дрожала всем телом, часто дыша и широко распахнув глаза. Я поняла, что это был мой первый в жизни оргазм, от ощущения которого я едва не сошла с ума. Я смотрела на Эдуарда, на его довольное лицо, на его ярко-розовые губы и мне было необычно осознавать, что этот старик смог сделать мне так приятно.

– Ты просто прелесть, моя девочка, – сказал он.

Я молчала. Я вообще с ним почти не говорила, отвечала только «да» или «нет» и просто здоровалась. Мы были чужими людьми, но теперь мне казалось, что между нами возникает больше общего, чем у меня было с собственной матерью. За всю жизнь я всего пару раз слышала от нее ласковые слова, а от этого немолодого мужчины я слышу их ежедневно и в большом количестве.

В эту ночь он не остался со мной, и я снова погрузилась в чтение книги, чувствуя особый прилив бодрости и хорошего настроения. Я периодически вспоминала об Эдуарде, о том, что он сделал со мной, и, вопреки всем моим нежеланиям, я констатировала факт того, что мне было хорошо. И сейчас, сидя в этом огромном доме с книжкой в руках, в одиночестве и в окружении дорогих вещей, я чувствую себя немного счастливее, чем в собственном доме, где меня вечно шпыняли и оскорбляли.

Все словно во сне

На следующий день с утра я снова увидела инвалидное кресло в саду. Оно снова было повернуто ко мне задней частью, и я могла видеть только хрупкую спину женщины, которая сидела в нем неподвижно, как будто замерла или умерла. И опять я столкнулась со взглядом Эдуарда, от которого через мое тело пробежал холодок, который мне показался приятным.

Я ждала его, но в этот день он не пришел ко мне. Я ломала голову над тем, что могло помешать ему прийти, и испытывала что-то вроде обиды и разочарования несмотря на то, что несколько часов была погружена в чтение интереснейшей книги. Я читала, а буквы никак не складывались в слова, как будто я читала книгу не на русском, а на незнакомом мне языке.

Отбросив ее, я выглянула в окно и поняла, что уже стемнело. Зоя давно унесла поднос с нетронутым ужином, потому что у меня не было аппетита. Я чувствовала себя брошенной и никому не нужной.

Приняв ванну и немного расслабившись, я легла под одеяло и попыталась уснуть. Но не успела провалиться в сон, как услышала скрежет ключа в двери. В темноте я потянулась к ночнику, но услышала знакомый шепот:

– Не включай свет!

Я резко одернула руку и через секунду почувствовала, что в мою постель ложится Эдуард. Он скользнул ко мне под одеяло и крепко прижал мое тело к себе. Я была в ночной сорочке, которую он торопливо стянул с меня. От него пахло алкоголем, и я поморщилась, понимая, что мне неприятен его запах. Но его прикосновения...

Он гладил мое тело, разминая его, и я чувствовала негу, которая снизошла на меня. Я выгибалась навстречу ему и давала целовать свою грудь, свой живот и начавшие недавно расти волосы на лобке. Он покрывал меня поцелуями, шепча нежные слова и не переставая блуждать руками по моей коже.

Эдуард был обнажен, и я периодически чувствовала прикосновение его горячего члена к своему телу. Он стоял и был твердым, как тогда, когда я брала его в рот.

Я ждала, с замиранием сердца предвкушая, что он сделает со мной сегодня. Его рука юркнула ко мне между ног, и я покраснела в темноте, понимая, что на пальцах остается влага, которая скопилась во мне, пока он ласкал мое тело. Я зажмурилась, чтобы забыть стыд, не понимая, что это вполне нормальное явление.

И тогда Эдуард аккуратно раздвинул мои ноги, и я почувствовала головку его члена, упирающуюся сначала во внутреннюю часть моего бедра, а потом коснувшуюся моих половых губ и раздвинувшую их.

Его член вошел в меня, сначала немного, и я не почувствовала боли, а только желание, чтобы он проникнул глубже. Живот Эдуарда больно давил на мои ребра, но я терпеливо ждала ЭТОГО. И это произошло.

Он резко вошел в меня, и мне показалось, что я слышу, как разорвались внутри меня какие-то мышцы, и легкая боль сразу же сменилось ощущением наполненности. Он был во мне, я стала женщиной! Губы Эдуарда коснулись моих губ, и я ответила на его поцелуй, обхватив руками его волосатые плечи.

Он начал двигаться во мне, и с каждым движением его дыхание учащалось, а тело покрывалось потом. Я шире раздвинула ноги, пытаюсь понять, что я испытываю: боль, отвращение, сладость наслаждения или ненависть к себе и к нему?

Оказалось, я не испытываю ничего, кроме желания того, чтобы этот момент не прекращался. Его член входил глубже, касаясь моих внутренних органов и точек, от прикосновений к которым у меня захватывало дыхание.

И вот, я почувствовала содрогание его тела, а внутри себя – выплеск теплой спермы. Он кончил в меня, продолжая двигаться и тяжело дыша. К концу он был весь мокрый, и, закончив свои движения, выскользнул из меня и упал рядом. Я чувствовала, как из меня вытекает теплая жидкость и скользит по прохладной и мокрой от пота Эдуарда коже.

Он включил ночник, и я увидела его темно-красное лицо, на котором было написано удовольствие. Он улыбнулся и погладил меня своей шершавой рукой по груди, нежно сдавив ее и ущипнув за сосок. Я села на кровати и посмотрела между ног, откуда вытекала светло-красная жидкость.

– Ты стала взрослой, – с улыбкой сказал Эдуард, и его дыхание начало выравниваться, – Ты внутри такая плотная, горячая, ты даже не представляешь, сколько наслаждения ты можешь доставлять мужчине.

– Я доставила вам удовольствие? – робко спросила я.

– Невероятное, – выдохнул он, – Ты – сказочная девушка, и я не помню, чтобы у меня были такие. Послушные, нежные, горячие...

Я смотрела на него в ожидании. Теперь, когда все произошло, я словно принадлежала ему на всех правах. И я лежала рядом, думая о том, жалею ли я о том, что произошло или нет.

Никто до Эдуарда не относился ко мне с такой заботой и лаской, и я, словно бездомный котенок, впервые познала настоящее тепло человеческих рук и запах дома, где нет постоянных склок и разборок, а тебя никто никогда не любил и вряд ли полюбит.

Сначала котенок щетинится и шипит, выпуская когти, но ласка и доброе отношение берут верх, и вот, он превращается в мягкий пушистый комочек, готовый отдавать всего себя. И пусть Эдуард выглядит как мерзкий и отвратительный старик, его душа казалась мне такой близкой и родной. Мне казалось, что я пытаюсь найти в нем замену своему несуществующему отцу.

Он ушел, оставив на постели запах своего одеколona, и я еще долго ползала по простыням, вдыхая этот запах. Я так и заснула посреди кровати, свернувшись калачиком, как котенок, которого отогрели и дали ему возможность почувствовать себя нужной.

На следующее утро я проснулась другой. Это уже была не та Анжела, которая любила ненавидящую ее мать и терпящая мерзкое отношение к себе. Я стала взрослой, будто одна ночь полностью перевернула мое сознание. И я ждала его. И он пришел, когда уже начало темнеть, а я начала терять терпение. Хотела его обнять, но пока не хотела проявлять инициативу, оставаясь на стадии его рабыни.

Эдуард сам обнял меня и усадил на комод, хотя это ему далось непросто. Он вдыхал мой запах, часто дыша и стискивая мою грудь, едва прикрытую тонкой тканью ночной сорочки.

Мои соски выступили сквозь ткань, и он зубами прикусил сначала один сосок, а потом другой, от чего на сорочке остались мокрые следы. Я сама сорвала сорочку и прижалась к его шелковой пижаме обнаженным телом.

Как я хотела чувствовать себя в полной безопасности, окруженной заботой и вниманием. Я каждой клеточкой тела ощущала свою необходимость для этого мужчины, который держал меня в плену, и который давал мне столь многое. Эдуард опустил вниз и поцеловал меня в промежность, и от его горячего дыхания по всему моему телу пробежали мурашки восторга и возбуждения.

Еще вчера казавшееся мне ненормальным, теперь я понимала, что это возбуждение – именно то, что подсказывает мне мое тело, которое расцветало в объятиях этого пожилого мужчины, как цветок, который долгое время не поливали. Он ласкал меня языком внутри моей вагины, а я наслаждалась этими моментами, чувствуя, как набухает внизу моя плоть, готовясь впустить внутрь себя его. И так и произошло.

Эдуард встал и резко вошел в меня, пока я сидела на комод. Его живот коснулся моего живота, поэтому мне пришлось немного опуститься, чтобы полностью впустить его пенис в себя.

Я застонала, ни капельки не сомневаясь в том, что мой стон – это правильно и логично. Мне было приятно ощущать его твердый член в себе, и, если еще вчера мне было больно, сегодня о боли я совершенно забыла, отдаваясь ему и доверяя каждой клеточкой своей израненной души.

– Милая, родная, самая лучшая, – шептал он, входя в меня и ударяясь об меня своим животом, который снова покрылся потом.

Я слышала его частое и тяжелое дыхание и старалась сама двигаться, чтобы Эдуарду было легче. Его лицо опять покрылось красными пятнами и он, вздрогнув, сделал еще несколько толчков, пока его сперма вливалась в меня горячей струей. Он еще несколько минут находился во мне, не выпуская меня из объятий, и я не шевелилась, давая ему насладиться моментом.

Я думала, что после этого он уйдет, но Эдуард надел штаны и сел в кресло. Я слезла с комода и надела сорочку, чувствуя, как по ногам стекает его сперма. Но я не смела пойти в ванную без его разрешения и просто стояла, облокотившись о комод и глядя на него.

– Я хочу ответить на твой вопрос, – неожиданно сказал он, хотя я не задавала ему никаких вопросов. Я молча продолжала слушать.

– Та женщина, которую ты иногда видишь в саду, – продолжил он, – Эта женщина – моя жена.

Я не стала говорить ему о том, что уже сама догадалась о том, кто она, давая ему продолжить. Мне казалось, что, если я перебую его, то потеряю возможность узнать хоть что-то из секретов, витавших в этом огромном полупустом доме.

– Нам было по тридцать лет, когда мы с ней возвращались с дачи ее родителей. Я был за рулем, и не смог справиться с управлением, когда машину занесло и мы влетели под грузовик. Наша машина ударилась о большегруз пассажирской стороной, и моя жена осталась инвалидом. Она была беременна, восьмой месяц.

Я слушала его, затаив дыхание. В голове проносились десятки вопросов, но я не решалась их задать.

– Ей сделали кесарево сечение, и на свет появился наш сын. Он был здоров и крепок, сейчас ему уже двадцать три года. И все двадцать три года я несу свой крест. Я забочусь о ней, я не оставляю ее ни на один день, и она ничего не знает о таких, как ты.

Об этом я тоже догадывалась. Я – не первая и, наверняка, не последняя девушка, оказавшаяся в этом доме.

– Я много лет пытался хранить верность своей молчаливой жене. До аварии она была словно огонек, освещающий мою жизнь, а потом превратилась в жалкий увядший цветок, который не способен на эмоции и чувства. Она не помнит ничего до аварии, но я знаю, что она любит меня и нашего сына, а я люблю ее. И пусть она не понимает о том, что я держу в доме других женщин, о том, что я

иногда уезжаю в командировки не один, она знает, что я всегда вернусь к ней и буду спать с ней в одной постели. Это и есть преданность, понимаешь?

Я кивнула, хотя о преданности читала только в книгах. В моей жизни преданность хранила только я своей бестолковой матери, которой я не была нужна абсолютно.

– Теперь ты многое знаешь обо мне, – сказал Эдуард, подводя конец своему монологу, – Но ты должна понимать, что я – натура увлекающаяся, и завтра ты можешь покинуть этот дом. Конечно, я тебя не обижу и дам денег, много денег, и ты сможешь начать новую жизнь. Пока я этого не хочу, но не уверен, что не захочу этого завтра или через неделю.

Я снова кивнула, думая о том, что не хочу быть выкинутой из дома, в котором ко мне относятся по-человечески. Но я не могла ему возразить, поэтому молчала до того самого момента, пока он не вышел из комнаты и не провернул ключ в замке. Я смотрела на закрытую дверь в надежде на то, что она еще долго останется закрытой, а Эдуард будет приходить ко мне без лишних слов и намеков на то, что я становлюсь ненужной. Мне казалось, что это будет самым большим ударом в моей жизни.

Нежный мучитель

Откровенность Эдуарда казалась мне ценным подарком, получше всяких дорогих вещей. Я всю ночь думала о том, сколько ему пришлось пережить, осознавая, что по его вине любимая женщина навсегда превратилась в инвалида.

Но подарки не прекращались. После обеда Эдуард зашел ко мне в комнату и протянул бархатную коробочку внушительного размера. Я приняла ее, едва сдерживая дрожь в руках.

– Открой же скорее! – радостно сказал он. – Я хочу увидеть твою реакцию.

Дрожащими пальцами я открыла темно-бордовую коробочку и едва не ослепла от переливающихся камней. Это было кольцо, усыпанное камнями.

- Что это? - спросила я, боясь держать в руках такую красоту.

- Это кольцо с бриллиантами, - с гордостью ответил Эдуард, и, взяв его из моих рук, аккуратно повесил мне на шею. Кольцо было тяжелым, но, увидев себя в зеркале, я обомлела от того, какой красоты оно было и как гармонировало с моим лицом.

- Тебе нравится? - спросил он.

- Мне очень нравится, - ответила я, стараясь сдерживать слезы, - Мне никто и никогда не дарил таких подарков.

- Тогда, может быть, ты обнимешь меня в знак благодарности? - с улыбкой спросил он, и я бросилась ему на шею, как собачка, ждущая разрешения своего хозяина.

Руки Эдуарда обхватили меня за талию, а потом опустили ниже и, сжав мои ягодицы, прижали к себе. Я почувствовала его член, который был еще спокойным, но я понимала, что еще немного, и он увеличится в размерах и станет твердым и манящим.

- Сними свою одежду, останься только в моем подарке, - приказал он, и я, ни секунды не сомневаясь, скинула ночную сорочку и трусики.

Облокотившись о комод, Эдуард с удовольствием смотрел на меня и улыбался. А я решила и улыбнулась ему в ответ, испытывая при этом такое теплое окутывающее меня с ног до головы чувство, которое раньше испытывала только в моменты, когда моя мать была трезва и проявляла остатки материнской заботы.

Эдуард притянул меня за руку и повернул к комоду, прижавшись ко мне сзади. Теперь на ягодице я чувствовала его твердый член, выпирающий из легких брюк. Он быстро расстегнул ширинку и, раздвинув мои ноги, вошел в меня. Волна возбуждения пронеслась по моему телу, и я приняла его в себя, слыша,

как скользнул в меня его член. Я текла словно самка, которая хочет своего самца, и теперь я постоянно хотела секса с Эдуардом, даже, когда его не было рядом.

А те минуты, которые он проводил во мне, двигаясь и погружая свой член максимально глубоко, я особенно ценила, отдавая ему всю себя. И я кончала, бурно содрогаясь и издавая стоны наслаждения, которые Эдуард заглушал своим поцелуем. Он часто дышал, кончая в меня, а я кончала от ощущения потока спермы, вносящегося в меня. Этот поток сталкивался с моей кожей внутри меня и заставлял меня жмуриться от экстаза и закусывать губу, чтобы не прокричать, как мне хорошо.

Эдуард обхватил мои груди и сдавил их, а потом его член выскользнул из меня, и вместе с ним вытекла сперма, которая теплым ручейком стекала у меня между ног.

Он прижался ко мне снова, и я почувствовала его мягкий влажный член, который коснулся моей ягодицы. Я хотела протянуть руку назад и потрогать его, но не осмелилась. Я еще не решалась проявлять инициативу, боясь сделать что-то не то. Пока я была в статусе рабыни, но всеми силами стремилась к статусу любовницы, боясь, что могу совершить какую-нибудь ошибку и опуститься до самого низа.

– Я ухожу, – объявил Эдуард, застегивая брюки, а я стояла спиной к нему, боясь пошевелиться, – Но вечером я вернусь, и мы с тобой попробуем кое-что новенькое.

От его слов мое сердце встрепенулось, я улыбнулась, но он не видел моей улыбки.

– Зоя сегодня выпустит тебя на прогулку, пока я отвезу жену к врачу на еженедельный осмотр.

С этими словами Эдуард ушел, а через несколько минут, когда я уже приняла душ и оделась, ко мне зашла Зоя Валерьевна, сохраняя свое холодное и ничего не выражавшее лицо-маску:

– Эдуард Викторович приказал отвести вас на прогулку. Собирайтесь, у вас будет тридцать минут.

Я кивнула, схватила книгу и быстро вышла за ней, стараясь не терять ни минуты. В саду я несколько раз обошла вокруг дома, чтобы размять мышцы, а потом читала книгу, сидя на скамейке в тени большого дерева.

После ужина пришел Эдуард, в его руке я заметила маленький тюбик, похожий на крем. Увидев вопрос в моем взгляде, Эдуард сразу сказал:

– Это смазка. Сегодня я буду любить тебя в попку, а для этого потребуется хорошенько тебя подготовить.

Я немного испугалась, анальный секс мне казался грязным и бессмысленным, ассоциирующимся у меня с гомосексуалистами. Но я не сопротивлялась. Уложив меня на живот, Эдуард разделся и лег рядом. Он гладил меня по спине, от чего по всему моему телу проносились мурашки, и я начала испытывать сладкое удовольствие. Потом его руки опустились к моим ягодицам и погладили их.

– Расслабься, детка, – ласково сказал Эдуард, – Я не сделаю тебе больно.

Я молча кивнула и попыталась расслабиться. Повернув к нему лицо, я столкнулась с его полным нежности взглядом, а потом, опустив голову вниз, я увидела его стоящий член, прикрываемый животом. Несмотря на такую несексуальную картину, я все равно желала этого мужчину, ставшего для меня первым.

Эдуард взял в руки тюбик и выдавил себе на руку немного прозрачной жидкости. По комнате распространился аромат не то цитруса, не то какого-то цветка, но запах был приятным. И ощущения, когда Эдуард аккуратно раздвинул мои ягодицы и нанес немного прохладной жидкости мне на анус, были приятными. Его палец растирал мой анус, а потом проник внутрь, заставив меня вздрогнуть от неожиданности и дискомфорта.

– Тшшш, – успокоил меня он, – Я не сделаю тебе больно, клянусь.

Его палец долго исследовал мою попку изнутри, отчего мне казалось, что еще немного, и мышцы моего анального отверстия сами «выплюнут» его наружу.

Но я сдержалась, закусив нижнюю губу. Эдуард повернул меня к себе боком и прижал к себе, а его член коснулся моих ягодиц. Я слышала, как он смазывает свой пенис, а потом осторожно вводит его в мой анус, стараясь не причинить мне резкой боли. Ощущения были неприятными, но я терпела и старалась не издавать ни звука. Зато сам Эдуард громко застонал, когда его член с большим трудом погрузился в меня наполовину.

- Дальше я не пойду, крошка, мне итак хорошо в тебе.

Я кивнула и подставила ему попку, чтобы Эдуарду было удобно. Он начал двигаться во мне, а я испытывала боль и неудобство, о которых молчала и терпела. Его член стал двигаться быстрее, и я начала постанывать от боли, но Эдуард не останавливался. Он входил неглубоко, но мне все равно было больно и казалось, что кровь стекает из моей задницы прямо на чистую простынь.

Потом Эдуард резко вышел из меня и повернув меня на спину, сел верхом на меня и подставил член к моему рту. Я машинально его открыла и стала ловить струи спермы, вылетающие из его члена и попадавшие мне на лицо. Эдуард долго сдавливал свой член, пока он не сник, и из него не перестали вылетать капли горячей спермы.

Он поцеловал меня в губы и слез с меня, а я вздохнула с облегчением, потому что вес его тела было сложно выдерживать на себе так долго. Он пошел в ванную, а я осмотрела простынь, и никакой крови на ней не обнаружила. Это была всего лишь смазка, вытекающая из меня. В районе ануса было больно, но я ни слова не сказала об этом Эдуарду, когда он вышел из ванной и спросил, как я себя чувствую. Потом он одел пижаму и ушел, закрыв дверь и провернув ключ, а мне так хотелось, чтобы он остался со мной, как в ту ночь, когда я спала, прижимаясь к его горячему телу.

Утром ко мне как обычно зашла Зоя и принесла на подносе завтрак. Как ни странно, в этот раз она не молчала:

- Послезавтра к Эдуарду Викторовичу приезжает сын, поэтому прошу вас сидеть в своей комнате тихо и никоим образом не показывать того, что вы находитесь

здесь. Это указ Эдуарда Викторовича, прошу вас следовать ему.

- А надолго приезжает его сын? - спросила я, понимая, что не только не смогу выходить на прогулку, но и видеть Эдуарда тоже вряд ли буду.

- Обычно на один-два дня. Приятного аппетита.

Я автоматически ела сэндвич с ветчиной и сыром, запивая его горячим чаем, думая о том, почему сам Эдуард мне не мог сказать об этом. Но к вечеру я поняла, почему. Он просто не будет пока меня навещать.

Днем я видела инвалидное кресло в саду, а самого Эдуарда я не видела, и от этого мне становилось страшно и грустно. Я пыталась отвлечься на книги и телевизор, но не могла перестать ждать его прихода. К полуночи я стала отключаться и уснула, не услышав, как открылась дверь, и он пришел ко мне поздней ночью.

В постель он лег уже обнаженным, и я радостно раздвинула ноги, принимая Эдуарда в себя. Он целовал меня нежно, языком лаская мои губы, потом шею и грудь, а его твердый член все двигался во мне, пока, наконец, я не почувствовала выстрел спермы, заставивший меня издать протяжный тихий стон, который Эдуард заглушил своими губами. Он еще двигался во мне, не переставая, пока вторая волна возбуждения не накатила на него, и он снова продолжил заниматься со мной сексом, пока я гладила его волосатую спину, и открывала рот, высовывая язык навстречу его языку. Снова выстрел спермы, и снова я испытала оргазм, похожий на яркую радугу, промелькнувшую перед глазами.

Эдуард ушел также тихо, как и пришел, а я обняла подушку, на которой он лежал несколько минут назад и уснула, храня в себе его сперму.

На следующий день приехал его сын. Я не видела его, но слышала громкие голоса, один из которых был мне незнаком. Голоса то приближались, то удалялись, но два следующих дня Эдуард не посещал меня, ни днем, ни ночью.

На улице был дождь, поэтому жену он не вывозил на прогулку, и я не смогла увидеть его сына, который бы, наверняка, гулял бы с матерью.

Я сходила с ума от одиночества, но по прошествии двух дней, наконец, оказалась в объятиях своего мужчины. Он тоже скучал по мне, о чем шептал мне на ухо, когда входил в меня, сорвав одежду прямо с порога моей комнаты и сразу утащив в постель.

– Милая моя девочка, я спать не мог, думая о тебе, – бормотал он, входя в меня и погружаясь так глубоко, что я стонала от восторга, – Ты снилась мне, ты виделась мне везде, я едва смог противостоять сам себе, проходя мимо твоей комнаты и не входя в нее. Боже, какая ты горячая, мокрая и такая нужная мне!

Этой ночью он остался со мной, и несколько раз просыпался, будя меня и входя в меня без лишних разговоров. Я засыпала, обхватив руками его живот, прижимаясь к нему носом и вдыхая запах его тела, ставший таким родным и таким желанным.

Пришедшая утром Зоя опешила, увидев своего хозяина спящим в моей постели, но я сделала ей знак рукой, и та, словно тень, выскользнула из моей комнаты.

Когда Эдуард проснулся и осознал, сколько времени, он разозлился:

– Почему ты не разбудила меня?

Я испугалась его гнева и забилась в угол кровати:

– Я не знала, во сколько... Вы мне не говорили...

Он подскочил с кровати и надел штаны и рубашку:

– Я тебе объяснял, что должен спать со своей женой! Ты могла меня разбудить. Что теперь подумает она? А что подумает прислуга?

Он увидел поднос с завтраком и со злостью посмотрел на меня:

– И Зоя тут была? И ты промолчала? Черт, о чем ты думаешь вообще?

Он вышел, громко хлопнув дверью. Я испуганно смотрела на дверь и понимала, что хочу плакать. Слезы сами стекали по моим щекам, и я так просидела

несколько часов, молча смахивая их и глядя в одну точку.

В этот вечер он не пришел. На следующий день тоже. Зоя продолжала носить мне еду, не разговаривая со мной и глядя на меня с усмешкой. Я не спрашивала ее ни о чем, но понимала, что она в курсе того, что Эдуард был в гневе. На третий день я не выдержала, и сама задала ей вопрос:

- Почему Эдуард Викторович ко мне не приходит?

- Он в командировке, - сухо ответила Зоя.

- Я слышала его голос сегодня и вчера. Зачем вы обманываете меня?

Зоя посмотрела на меня с неудовольствием:

- Потому что для вас Эдуард Викторович в командировке. Приятного аппетита!

Чертова ведьма! Как я ненавидела ее, и как я ненавидела Эдуарда за его обман и глупую обиду. Я мерила шагами комнату в ожидании его, но он испытывал мое терпение своим отсутствием. Я видела его в саду, хотела постучать в окно, но не осмелилась, боясь очередной порции его гнева. Но во мне тоже накапливались злость и обида, а потом им на смену пришло чувство досады, недовольства собой и готовности выполнить любое его желание, только бы Эдуард появился в моей комнате.

Шикарные подарки

Я плохо спала, просыпаясь от каждого шороха, в надежде, что это он, но, включая свет ночника, я убеждалась лишь в том, что это бред моей воспаленной фантазии. Когда прошла неделя с момента той ночи, я уже смирилась со своей ненужностью и просто перестала ждать.

Только тогда он пришел. Будто почувствовав мой отказ от ожидания, Эдуард явился с букетом цветов и очередным подарком, упакованным в красивую бархатную коробочку. На этот раз это были серьги.

– У меня не проколоты уши, – сказала я, стараясь быть холодной.

– Мы прокалем тебе уши при первой же возможности, – сказал Эдуард, и только после его ласковых слов я осмелилась посмотреть ему в глаза. И поплыла...

Он любил меня неистово, глубоко и долго, бормоча о том, как он скучал, как ненавидел себя за это испытание, и что я не заслужила такого к себе отношения. Я стонала, обхватывая его ногами, лаская его грузное, но такое родное тело, вдыхая запах его одеколона, смешанного с легким запахом мужского пота. Эта смесь мне казалась такой возбуждающей, что я не могла насытиться своим мужчиной. Он кончал в меня бурно, так, что я закрывала глаза, боясь потерять сознание от продолжительного оргазма и снова стонала, как оголодавшая самка, которая получила то, что хотела.

Потом мы лежали на постели, а моя голова лежала на его тяжело вздымающемся животе. Только тогда я осмелилась задать ему вопрос:

– У вас кто-то был за эту неделю?

– Что за вопрос, Анжелика? – удивленно задал встречный вопрос Эдуард. – Тебя не должна касаться моя личная жизнь.

Я примолкла, понимая, что снова движусь в сторону очередной ошибки. Но Эдуард, тем не менее, ласково произнес:

– Но мне нравится, что ты спрашиваешь меня об этом. Значит, ревнуешь?

Я снова промолчала, прекрасно понимая, что, черт возьми, да, я ревную его! Но признаваться в этом ему мне не хотелось.

– Ты молчишь, значит, я прав, – решил Эдуард, но я снова промолчала, крутя в руках коробочку с красивыми серьгами и представляя, как шикарно они будут смотреться на мне в комплекте с колье.

Мы еще немного помолчали, и я прислушивалась к биению его сердца.

– А ты знаешь, что Зоя когда-то была на твоём месте? – спросил он у меня, и этот вопрос заставил меня приподняться с его живота и удивленно посмотреть на него.

Эдуард усмехнулся:

– Нет, конечно, эта железная леди никому и никогда не говорила о том, что когда-то спала со мной. Она жила в этой же комнате, и я сам носил ей еду. Она не была девственницей, я подобрал её на обочине дороги, когда поздно ночью возвращался домой. Она сидела возле трассы, схватившись за голову. Я остановился, чтобы предложить ей помощь, а она не могла вымолвить ни слова. Потом я узнал о том, что в ту ночь на её глазах её собственный отец убил младшую сестру. Зоя осталась у меня, и я заменил ей отца.

– Сколько же ей лет? – спросила я, с трудом представляя Зою Валерьевну девчонкой.

– Сейчас, пожалуй, около сорока. Тогда ей было чуть больше двадцати, но она была такой худой, такой глуповатой, что больше семнадцати ей бы никто не дал. Её собственный отец трахал их с сестрой после смерти матери, я позаботился о том, чтобы его пристроили в психушку, а не сгноили на нарах, сама Зоя попросила меня об этом. Уже тогда в городе у меня был авторитет. А Зоя постепенно превратилась из любовницы в верную прислугу.

Я слушала Эдуарда и представляла себе, как он занимается сексом с Зоей. Тогда он был моложе, она тоже, наверняка, она ловила истинный кайф, отдаваясь Эдуарду на этой же кровати, на которой лежали сейчас мы с ним.

Словно прочитав мои мысли, Эдуард сказал:

– Не переживай, мы делали это на другой кровати. Столько лет прошло! И тебе, наверняка, безумно интересно узнать, сколько девчонок тут было до тебя?

Конечно, интересно! Но я боялась узнать правду, которая могла оказаться слишком горькой для меня.

– Нет, я не хочу этого знать.

Эдуард снова усмехнулся и встал с кровати, одеваясь:

– Поверь мне, ни одна из моих женщин, которые жили здесь до тебя, не пожалели об этом. Многих пришлось ломать, принуждать и смотреть на гордо поднятые подбородки. Но каждая, в конце концов, молила меня разрешить им остаться рядом со мной. Каким бы противным я ни был, я все равно оставался в их глазах самым желанным. И ты, моя детка, попала на ту же удочку. Ты ведь любишь меня?

Я ничего не ответила, отвернувшись от Эдуарда.

– Вот он, этот пресловутый поднятый вверх подбородок, – засмеялся он, – Любишь меня, хочешь и очень ждешь. И в один прекрасный день, когда я оставлю дверь комнаты открытой, ты ни за что не уйдешь от меня, потому что ты приросла ко мне.

Он вышел, закрыв дверь на ключ. Я сидела на кровати и обдумывала его слова. Да, я полюбила его, да я приросла к нему и была готова вытерпеть все, только бы он оставил меня рядом. Я такая же как и все, я – его рабыня и почти подстилка. Я не смогу жить без него, не смогу дышать без него, настолько он вошел в меня за эти недели, сделав ручной собачкой.

На следующий день, когда Зоя принесла мне завтрак, я смотрела на нее другими глазами. Теперь она казалась мне соперницей, и, хотя глупо было так думать о несчастной прислуге, в моих глазах она стала врагом номер один. Она спала с Эдуардом, она очень многое знает о нем и не предаст ни при каких обстоятельствах. Она видела его жену, сына, она знает, сколько до меня в этой комнате жило девушек, и по каким признакам можно понять, что скоро жилища в этой комнате сменится на другую.

Эдуард зашел после обеда и сообщил, что сегодня мы поедем в ресторан. Я опешила от такой новости, но была этому безумно рада: я превращаюсь из рабыни в нечто большее, значит, не все так плохо.

Зоя принесла мне вечернее платье в чехле, и, открыв его, я открыла и свой рот: темно-синее, обшитое невероятными камнями, надев которое, я чувствовала себя не то, что принцессой, я чувствовала себя богиней. А надев кольцо, я просто очумела от своего собственного отражения в зеркале.

Мы приехали в какой-то закрытый ресторан, где сидели в отдельной кабинке. Эдуард сам сделал заказ, а потом произнес тост за то, что сегодня – ровно месяц с того дня, как я попала к нему в дом и вошла в его жизнь.

– Я надеюсь, что ты еще долго будешь радовать меня собой, – произнес он, и мы чокнулись бокалами с шампанским.

Дома он сам раздел меня, уложил в кровать и опустился вниз, где языком провел по моей промежности, из которой уже сочилась смазка. Я весь вечер сидела возбужденная, глядя на его руки, в его глаза, и желая его всем своим существом.

Когда же его язык коснулся разгоряченной вагины, я едва сдержала крик вождления и сжала его голову руками, чтобы хоть немного остудить свой пыл. Его язык давил на мой клитор, и от этих движений все во мне пульсировало и жаждало большего.

Наконец, его член был во мне, я дотронулась до его яичек, твердых и больших. Я давно мечтала коснуться их, и сегодня отважилась на этот шаг.

Сжав их, я заставила Эдуарда застонать и двигаться во мне быстрее, приближаясь к финалу. Еще несколько резких толчков и вот, поток спермы ворвался в меня, доводя до оргазма. Я закричала, больше не в силах сдерживать свои эмоции, а мне на рот легла ладонь Эдуарда. Мое тело содрогалось от удовольствия, а его губы целовали мои.

– Я люблю тебя, – тихо сказала я, и его глаза внимательно посмотрели в мои.

– Больше не надо этого говорить, – строгим голосом сказал он и вышел из меня. Эдуард встал с постели и начал одеваться.

Мое сердце застучало в груди, я была напугана его реакцией. Вот сейчас он опять оденется и уйдет, а я останусь тут и буду ждать.

– Почему я не могу сказать об этом? – спросила я, ползая по кровати и протягивая руки к Эдуарду.

– Потому что это неправильно. Ты не должна меня любить, ты должна меня уважать и слушаться.

– Я буду это делать, только сейчас не уходи, – я попыталась схватить его за руку, но он одернул ее.

– Запомни, детка, ты меня не любишь! Ты любишь то, что я даю тебе. Не меня! Ты уяснила?

Я закивала. Сейчас я была готова согласиться с чем угодно, только бы он остался со мной и не злился на меня.

– Я буду твоей собственностью, только не злись. Я откажусь от своих чувств, я забуду все, что сказала тебе, только не уходи!

Эдуард прошел к двери, а я, подскочив с постели, голая, побежала за ним, преграждая его путь к выходу. По моим ногам стекала его сперма, но Эдуард был непреклонен.

– Мне не нравится, когда ты так себя ведешь!

Я опустилась на колени перед ним и схватила его за руки:

– Прошу, не уходи! Остайся со мной, трахни меня! Я сделаю все, как ты скажешь!

Эдуард одернул руки и пробормотал:

– Похоже, тут все.

С этими словами он вышел из комнаты, но не закрыл меня за ключ. Я стояла напротив двери и смотрела на нее. Я могла уйти? Он не станет меня удерживать? Неужели это все? Месяц счастья закончился? Я не хотела в это верить.

Я легла на кровать и свернулась в комочек под одеялом. Хотелось плакать, но слез не было.

Пришедшая ко мне утром Зоя оказалась без подноса:

– Эдуард Викторович приказал, чтобы вы собирали вещи. Чемодан стоит в шкафу.

Я лишилась дара речи, глядя на ее довольное лицо. Наверное, с таким же дурацким выражением она провожает всех бывших Эдуарда. Но я не собираюсь уходить!

– К двум часам вас не должно здесь быть. Машина будет ждать вас внизу, водитель передаст конверт с деньгами. Всего хорошего.

Она вышла и закрыла дверь. На часах было девять утра, у меня еще было время поменять мнение Эдуарда, но как? Я металась по комнате, не зная, что мне делать. Я не хотела уходить, я хотела остаться и продолжать жить в заточении под защитой своего мужчины.

Около полудня, когда я уже совсем отчаялась и искусала все губы от обиды и разочарования, в комнату ко мне вошел Эдуард. На его лице было странное выражение, отчего мне стало еще страшней.

– Анжелика, присядь, – сказал он, и я, повинуясь, села на край постели.

– Я знаю, что должна уйти, – пробормотала я, глядя на разбросанные по всей комнате вещи, – Я уйду, ведь я исполняю все твои желания и указания.

Он присел рядом со мной и взял мою руку в свою:

– Милая, кое-что произошло. Ты никуда не уедешь. Ты останешься здесь, со мной.

Я чуть не подпрыгнула от радости, понимая, что он передумал. Боже, как я счастлива!

– Я благодарна тебе за это, – ответила я с улыбкой.

– Не торопись меня благодарить. Вчера твой отчим убил твою мать. Прости, что говорю тебе это сейчас так, но что произошло, то произошло.

В глазах у меня все потемнело. Мама. Убита. Боже! Я почти потеряла сознание, когда руки Эдуарда мягко подхватили меня и усадили обратно.

– Приходи в себя, детка, – он слегка похлопал меня по щекам, – Все хорошо. Мамы нет, но у тебя есть я.

Я расплакалась, словно большой кусок льда растаял внутри меня и дал волю эмоциям. Конечно, от моей матери было мало толку, но я любила ее, со всеми ее недостатками.

– Сегодня ты переедешь в другую комнату, – сказал Эдуард, – Ты поживешь здесь, пока не окрепнешь и не соберешься с духом, чтобы вернуться домой. Я и сейчас тебя не держу, ты можешь уйти, взяв деньги и начать новую жизнь.

Я замотала головой:

– Я не хочу уходить.

Эдуард посмотрел на меня:

– Тогда ты должна будешь кое-что принять.

– Я готова на все, только бы остаться рядом с тобой. – выпалила я, надеясь, что все говорю правильно.

– Я больше буду с тобой спать, между нами все кончено. Точка. Смирись с этим. В этом доме ты остаешься в качестве моей племянницы. Ты можешь свободно передвигаться по дому, выезжать за его пределы и делать все, что тебе вздумается.

У меня перехватило дыхание. Фраза о том, что «между нами все кончено» была слишком тяжелой для меня. Остальные слова Эдуарда словно слились в непонятную мелодию, я уже не разбирала их.

– Ко мне приедет новая девушка, это произойдет в ближайшее время. Ты сделаешь тест на беременность, чтобы исключить или подтвердить ее. Так часто бывает, но детей я больше не хочу, это ты тоже должна понимать. Ты будешь жить здесь ровно столько, сколько посчитаешь необходимым, но, если ты проболтаешься хоть кому-нибудь о том, как ты оказалась здесь и чем занималась здесь на самом деле, тебя будет ждать серьезное наказание.

Я кивнула, понимая, что выхожу из игры. Теперь я – никто для Эдуарда. И теперь в этой комнате будет жить новая «я». Точней, не я. И это было самым страшным ударом. Не смерть матери, а именно то, что я лишилась Эдуарда.

Ненужная свобода

В тот же день меня переселили в комнату на противоположной стороне коридора, и теперь из моего окна открывался вид на въезд, а моя комната больше не запиралась на ключ. Я была свободна, но с одним большим «но»: мне не нужна была свобода, мне нужен был Эдуард.

Всю ночь я ерзала на новой двуспальной кровати, думая то о смерти матери, то о том, как я теперь буду жить рядом с любимым мужчиной без каких-либо прав на него. Я думала использовать женскую хитрость, обольстить его, соблазнить или сыграть на его жалости, но я понимала, что мне не хватит для этого ни опыта, ни мозгов: слишком серьезным мужчиной оказался мой Эдуард.

На следующее утро я проснулась от шума подъехавшего автомобиля, ведь теперь мое окно не запиралось, и на ночь я оставила его приоткрытым. Я выглянула во внутренний двор и увидела уже знакомый Мерседес. Это был Степан.

Сначала я подумала о том, что он приехал за мной, чтобы отвезти меня на похороны моей матери, но потом до меня дошло: он приехал, чтобы договориться с Эдуардом насчет новой девочки, которая заменит меня. От этой мысли внутри меня все забушевало: я сгорала от ревности и злости, кусая собственные кулаки.

Я приоткрыла дверь, чтобы подслушать их разговор, но в коридоре стояла зловещая тишина: видимо, мужчины обсуждали этот пикантный вопрос в отдельном кабинете, куда моим ушам доступ был ограничен. Зато в коридоре я нос к носу столкнулась с Зоей: она шла в одну из спален с комплектом постельного белья и подарила мне злорадную улыбку:

– Доброе утро, Анжелика.

Я ничего ей не ответила, а просто закрыла дверь в свою комнату и уселась на кровать. Завтрак мне никто не принес, и я поняла, что теперь придется самой заботиться о еде.

Я спустилась вниз по лестнице и свернула направо, где, по моим подсчетам находилась кухня. Так и было: я увидела большой стол, плиту с вытяжкой и холодильник. На столе стояла ваза с фруктами, и я схватила из нее яблоко.

– А ты не хочешь позавтракать со всеми? – услышала я голос Эдуарда и испуганно обернулась.

Он смотрел на меня почти равнодушно, и от этого у меня сразу пропал аппетит. Я положила яблоко на место и посмотрела на него. Выглядел он потрясающе: дорогие джинсы в сочетании с клетчатой рубашкой делали его моложе лет на десять.

– А я имею право даже на это? – спросила я у него, не совсем представляя «завтрак со всеми».

– Ты – моя племянница, я – дядя Эдик. В чем проблема позавтракать с дядей?

– Я не против, – я выдала некое подобие улыбки и прошла вслед за своим «дядей» в столовую, о существовании которой не подозревала. Зоя, увидев меня, метнула в мою сторону уничтожающий взгляд, но, тем не менее, поставила передо мной тарелку.

– Какие планы на день? – спросил у меня Эдуард.

Мне было так непривычно сидеть с ним за одним столом в такой непринужденной обстановке, что я терялась и не знала, что именно мне говорить и как отвечать на его вопросы.

– Я надеялась заняться похоронами матери, – сказала я, отодвигая тарелку с овсяной кашей, которую мне подала Зоя.

– Не переживай, этим уже занимаются мои люди, – спокойно ответил Эдуард, – тебе будет достаточно поприсутствовать на ее похоронах и оформить наследство.

– Наследство? – непонимающе спросила я, ломая голову над тем, что мне могла оставить моя мать-пропойца.

– Конечно. Квартира теперь твоя, ты можешь сдать ее или продать. Или переехать туда, а я помогу с ремонтом.

– Не терпится от меня избавиться? – не выдержав, съязвила я, и тут же наткнулась на недобрый взгляд Эдуарда.

– Я тебе вчера все сказал. Ты остаешься здесь столько, сколько пожелаешь. Ты не лезешь в мою жизнь, занимаясь своей. Ты – моя племянница, и я несу ответственность за тебя. Вопрос закрыт, твои эмоции лишние, и не принесут тебе никакой пользы.

Он отчеканил свою речь, словно не брал мысли из головы, а говорил заученным текстом. Наверное, я не первая, кто слышал эти слова. Возможно, Зоя, которая стояла за его спиной и едва сдерживала злорадную улыбку, тоже в свое время слышала эти же слова. Я встала из-за стола и, извинившись, пошла в свою нынешнюю комнату.

Через несколько минут в нее зашел Эдуард. Увидев его, я подскочила с кровати, скорее, по привычке. Но его лицо было холодным, почти ледяным. Таким же был и его тон:

– Завтра в полдень за тобой приедет мой водитель и отвезет тебя на кладбище, где ты попрощаешься с матерью. Кроме тебя там никого не будет. У твоей

матери не оказалось подруг и коллег, пожелавших с ней попрощаться. Исполнишь свой долг, потом поедешь к нотариусу, который тебе объяснит все детали по наследству. Тебе еще нет восемнадцати лет, поэтому я становлюсь твоим опекуном, это я организую сам. Твой день рождения через несколько месяцев, ты будешь вправе покинуть этот дом и начать самостоятельную жизнь, о которой я тебе уже говорил. Ты можешь посещать свою школу, а можешь учиться в местной, как решишь, дай мне знать, я все устрою. Подарки остаются у тебя, можешь их продать, а можешь оставить на память. Надеюсь, что ты все запомнила, я считал и считаю тебя умной девочкой.

Сказав это, Эдуард вышел из комнаты, оставив меня в полной неразберихе. Я не могла смириться с тем, что за один день он превратился в совершенно другого человека. Еще вчера мы страстно занимались любовью, а сегодня я, видите ли, его мнимая племянница, а его «помогайка» уже в поисках новой жертвы. И с ней теперь Эдуард будет заниматься любовью, учить ее тонкостям секса и в ее глазах будет идеалом мужчины.

Как больно внутри, как мне хотелось вцепиться в его лицо и доказать, что только я буду для него той самой девочкой, которую он ласково называл самой лучшей и единственной.

Я закрыла глаза, вспоминая его поцелуи, его ласки, его руки, касающиеся моей груди, а потом его член, входивший в меня столько раз и горячие струи спермы, доводящие меня до экстаза. Я не могла поверить в то, что этого больше не будет. Я так хотела все вернуть.

На следующий день я похоронила свою мать. Никого не было на кладбище, кроме меня и могильщика, который закапывал могилу после моего знака. Я вспомнила день, когда мать неожиданно вернулась домой с работы, якобы очень сильно устала и неважно себя чувствовала. Я знала такие признаки: она просто хотела выпить и нашла повод, чтобы сделать это, пораньше прибежав домой. А ее тогдашний сожитель, дядя Боря, пользуясь ее отсутствием, усадил меня, десятилетнюю, на колени и укачивал, как младенца, поглаживая по голой ноге.

Как в тот день орала мать, выдернув меня из рук своего любовника! И орала она не на него, на этого старого извращенца, который, наверняка, пытался получить сексуальное удовлетворение с помощью меня, а орала на меня, обзывая «мелкой стервой» и «шлюхой».

Я, десятилетняя девочка, понятия не имевшая о том, что означают эти слова, почувствовала свою вину, но не понимала, за что. Мать схватила меня за волосы и таскала по всей квартире, швыряя из стороны в сторону, как будто я кукла, а не человек, я рыдала, прося прощения, но я не знала, в чем провинилась перед ней.

Для меня это был самый ужасный день, после которого еще неделю болела голова, а мать не произнесла ни слова извинений. В этом была вся она, женщина, давшая мне жизнь.

Я вдруг осознала, что не испытываю к матери никаких чувств, и, если поначалу мне было дико разлучиться с ней и начать жить иначе, то теперь мне казалось, что я упустила кучу времени, проводя его с ней на одной территории и наблюдая за ее деградацией, которая привела к тому, что ее просто прибил пьяный сожитель.

Не такой жизни я хотела себе поэтому, положив букет свежих роз на свежую могилу, я быстрым шагом удалилась с кладбища, не оглядываясь назад.

После возвращения от нотариуса я застала Эдуарда в саду, читающего книгу. Он посмотрел на меня и слегка улыбнулся:

– Ты как? Держишься?

Я кивнула, едва сдерживая собственные эмоции. Как мне хотелось броситься ему на шею, поцеловать его, а потом раздеть и заняться с ним сексом. Но я лишь скромно стояла возле него, пожирая его глазами, не смея даже коснуться его руки, державшей книгу. Конечно, я могла пустить слезу и упасть в объятия Эдуарда, но я так не умела делать, да и вряд ли бы это получилось у меня естественно.

– У меня все хорошо. Я подумала насчет школы и решила, что хочу перевестись в школу рядом с твоим домом. Я не вернусь домой, и квартиру я хочу продать.

– Я тебя услышал, передам все юристам, они займутся продажей. А сейчас иди к себе, я тебя прошу поменьше мелькать перед моими глазами.

– А как же совместные завтраки, обеды и ужины? – спросила я, понимая, что стала для Эдуарда больной мозолью.

– Я погорячился насчет этого. Зоя объяснит тебе, когда ты сможешь спокойно питаться, не сталкиваясь со мной в столовой.

Кивнув, я ушла к себе. На глазах уже накопились слезы обиды, я так хотела хотя бы во время этих непродолжительных приемов пищи быть рядом с ним. Но нет, он лишает меня этой возможности, выкидывая, словно блохастого котенка. Я выглянула в окно и не увидела Эдуарда на скамейке, где он читал книгу. Он ушел. А скоро появится она, заменитель меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/roks_lili/plennica-oligarha

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)